

Шэнь Чжи приоткрыл глаза, мельком взглянул на них и тут же снова прикрыл, погружаясь в полудрему.

Вскоре в гостевой зал пришел послушник из секты Сыцзин и повел подростков на церемонии посвящения: поклонение предкам, принесение клятвы, принятие в ученики... Шэнь Чжи терпеливо вынес всю эту волокиту.

Когда пробило час свиньи, послушник наконец привел их обратно в гостевой зал и, обращаясь к измотанным новобранцам, неспешно произнес:

— С этого дня вы все — ученики секты Сыцзин. Запомните: будь то путь Шаньичэн, Шуйличэн или Фэнъигэн — вы все братья по секте. Живите в согласии, уважайте друг друга и будьте уступчивы. Никаких раздоров между вами быть не должно. Кроме того, за исключением особых случаев, ученикам Шаньичэн и Шуйличэн запрещено пересекать озеро Хуаньхуа для встреч. Также, за исключением особых случаев, ученикам запрещено проходить через галерею Красной сливы к Сюэигэн. И еще, за исключением особых случаев, ученикам запрещено...

Что именно им было запрещено дальше, подростки уже не слушали. Как только прозвучало: «Поздно, можете возвращаться в свои комнаты, завтра не забудьте получить духовные камни для совершенствования», — они, словно сорвавшиеся с привязи жеребцы, с максимальной возможной скоростью вылетели из зала.

Послушник опешил, и фраза «Не забудьте про утренние занятия» так и застряла у него в горле.

К ученикам в Сыцзин относились неплохо: каждому полагалась отдельная комната, причем довольно просторная. Пока новобранцы обустраивались, наступил час крысы. Столовая была давно закрыта, поэтому им пришлось тайком жевать сухой паек в своих комнатах. Шэнь Чжи, привыкший к воздержанию от пищи, голода не чувствовал — он просто умылся и лег в постель.

Непонятно почему, но этой ночью ему приснился тот самый шрам в форме полумесяца из далеких воспоминаний. Сладостные стоны и звон бисерных занавесок, падающих на пол, вновь сплелись воедино...

На следующее утро его разбудил резкий звон колокола. Густой, архаичный звук пронесся над всем Шаньичэн. Шэнь Чжи с трудом разлепил глаза: снаружи еще царила тьма, но в уши ударил мощный голос:

— Колокол звонил уже несколько раз, почему до сих пор не встали?! Говорят, что день планируют с утра. Вы только пришли в Шаньичэн и уже собираетесь забросить занятия?!

Этот голос принадлежал не кому иному, как старейшине Цинши.

Шэнь Чжи неспешно оделся, привел в порядок волосы и вышел наружу, где уже выстроились ряды сонных подростков. Как и ожидалось, старейшина Цинши тут же впился в него взглядом:

— Шэнь Лан, почему опоздал?

Шэнь Чжи улыбнулся и принялся нагло лгать:

— Докладываю старейшине: вчера Зеркало Добра и Зла порезало мне ладонь, боль была невыносимой, поэтому ночью я не смог уснуть.

Старейшина Цинши взревел:

— Пустяковая царапина — и ты смеешь использовать её как оправдание?! Став совершенствующимся, ты получишь еще немало ран! Марш в строй!

— Есть! — Шэнь Чжи поспешно «вкатился» в строй.

Старейшина Цинши немного успокоился и сурово добавил:

— Учитывая, что вы здесь первый день и опыта в практиках у вас нет, первым занятием сегодня станет медитация, которую проведет Бессмертный Сюаньлинь. Сейчас я отведу вас в Сюэигэн. Помните: войдя туда, не шуметь, не толкаться и не бегать.

Услышав это, подростки приободрились, в их глазах затеплилось предвкушение. Шэнь Чжи тоже улыбался, но про себя думал: как только вы там окажетесь, восторг быстро улетучится.

Старейшина Цинши во главе шумной толпы новобранцев проследовал через галерею Цветущей сливы. Вдруг позади послышались торопливые шаги. Старейшина нахмурился, остановился и обернулся. Это был Фу Цин. Он поспешно поклонился и взволнованно произнес:

— Учитель, старшие братья Лю и Мэн вернулись.

Шэнь Чжи насторожился. Старейшина Цинши недовольно бросил:

— Вернулись и вернулись, к чему такая паника?

— Докладываю учителю: они вернулись, но... старший брат Лю тяжело ранен, а старший брат Мэн до сих пор без сознания. Прошу вас, взгляните на них.

Услышав это, старейшина Цинши нахмурился:

— Ты води этих новичков в Сюэигэн, следи за ними, а я пойду посмотрю!

— Слушаюсь! — Фу Цин принял приказ. Как только старейшина удалился, он, казалось, выдохнул, подошел к голове колонны и с бледной, но вежливой улыбкой сказал: — Младшие

братья, пойдете.

Шэнь Чжи, стоявший впереди, как бы невзначай спросил:

— Старший брат Фу, что-то случилось?

Фу Цин покачал головой:

— Я и сам не знаю. — Он поднял взгляд и с грустью добавил: — Старшие братья отправились вниз с горы, чтобы поймать торговцев душами. Как они могли получить такие тяжелые раны?

Улыбка в глазах Шэнь Чжи медленно угасла. И правда. Лю Саньцю отправился ловить Лидемона. Этот демон — всего лишь никчемная тварь, питающаяся душами живых. Для совершенствующегося это не противник. Как Лю Саньцю мог пострадать? А что до Мэн Аня... Шэнь Чжи знал, что наложил на него заклинание глубокого сна, но прошло уже два-три дня, почему он до сих пор не проснулся?

Сомнений было слишком много, и желание идти в Сюэигэн пропало. Уж лучше бы он выяснил, что происходит на самом деле.

Однако галерея Цветущей сливы подошла к концу, и Фу Цин завел их в павильон, где проходили занятия. К счастью, сегодня Инь Линцзюнь вопреки обыкновению не забыл снять ледяной барьер. И не опоздал.

Как только Шэнь Чжи вошел внутрь, он увидел его: облаченный в черные одежды, он сидел прямо перед низким столиком с книгами, опустив ресницы. Заметив вошедших, он лишь слегка приподнял веки и тут же опустил их снова.

Шэнь Чжи занял место в конце зала. Вскоре Фу Цин поклонился и вышел. В павильоне воцарилась тишина: подростки с благоговением разглядывали Бессмертного Сюаньлиня. Шэнь Чжи же принялся листать книгу — громкий шорох страниц в звенящей тишине прозвучал вызывающе. Ученики тут же устали на него.

Инь Линцзюнь наконец полностью поднял глаза и посмотрел прямо на Шэнь Чжи:

— Медитация требует спокойствия духа в любое время. Не только во время занятий, но и при чтении книг.

Шэнь Чжи протянул «О-о», отложил книгу, подпер подбородок рукой и лениво произнес:

— В любое время? Неужели Бессмертный никогда не злится?

Инь Линцзюнь взглянул на него и снова опустил голову, храня молчание. Шэнь Чжи пришел сюда, чтобы довести его до слез, но проблема была в том, что сейчас он помнил о старейшине Цинши больше, чем об Инь Линцзюне. Он совершенно не знал, что может его задеть.

Покрутив глазами, он вспомнил бульварные романы с рынка и с улыбкой поднял руку:

— Бессмертный, у меня есть вопрос.

Инь Линцзюнь ответил сухо:

— Говори.

— Вы знаете, что по всему городу Юйчжоу сейчас ходят романы о вас и Бессмертном Меча Сотни Призраков?

Как только Шэнь Чжи закончил фразу, в зале поднялся шум. Большинству подростков было по пятнадцать-шестнадцать лет, десять лет назад они были детьми и ничего не знали об этом, да и любовные романы их не интересовали. Но их очень интересовало, разозлится ли Бессмертный. Они были уверены: такой возвышенный небожитель обязательно придет в ярость от подобной клеветы.

Однако Инь Линцзюнь лишь едва заметно склонил голову набок и равнодушно ответил:

— Знаю.

— ... — Улыбка Шэнь Чжи стала натянутой. — Вы... не злитесь?

Инь Линцзюнь удивился:

— А почему я должен злиться?

Задав этот вопрос, он снова выпрямился и произнес:

— Отсутствие суеты — основа медитации. Начнем занятие...

Даже спустя десять лет манера преподавания Инь Линцзюня оставалась монотонной и невозмутимой. Ученики начали клеветать носом, но он не обращал на них никакого внимания и продолжал читать. Шэнь Чжи, разочарованный сегодняшней неудачей, спать не хотел, а просто пристально разглядывал Инь Линцзюня.

Когда-то в Шаньичэн он слышал, как одна из учениц жаловалась, что её возлюбленный — бесчувственное полено: пока не пнешь, не пошевелится. Но теперь он понял: Инь Линцзюнь не полено, он — камень. Такой, в котором не появится трещина, сколько ни бей.

Когда час занятий наконец истек, ученики с зевками повскакивали, бросили дежурное «До свидания, Бессмертный» и гурьбой высыпали наружу. Шэнь Чжи плелся последним.

В этот момент через порог переступил Ли Хуайфэн, даос Шаньичэн. Шэнь Чжи не видел его

десять лет и едва узнал — старик совсем поседел. Он не знал, причастен ли Ли Хуайфэн к его смерти, но по старым воспоминаниям помнил, что никто в секте Сыцзин не относился к нему лучше, чем этот человек. Шэнь Чжи обернулся, задержал на нем взгляд и только потом зашагал прочь.

Ли Хуайфэн пришел из-за Лю Сяньцю и Мэн Аня.

— Прошу Бессмертного спасти моих учеников, — коротко объяснил он суть дела и отвесил глубокий поклон.

Инь Линцзюнь не стал его поддерживать — он попросту не понимал, что людей нужно поддерживать, когда они кланяются. Он просто кивнул:

— Хорошо.

— Благодарю вас! Я немедленно велю доставить их в Сюэигэн. — Ли Хуайфэн прослезился, выпрямился и, вспомнив что-то, спросил: — Слышал, в последнее время ваше здоровье пошатнулось, как вы сейчас?

Инь Линцзюнь недоуменно посмотрел на него:

— Здоровье пошатнулось?

— Ну, то есть, вы плохо себя чувствуете, — пояснил Ли Хуайфэн.

Характер этого Бессмертного был головной болью для всех. Даже прожив в мире людей сотни лет, он понимал только то, что хотел понимать, и не читал ничего, кроме книг по совершенствованию. Впрочем, сейчас стало лучше: на днях Ли Хуайфэн видел, как тот читал базовый учебник для практиков. Большая редкость.

— Со здоровьем у меня все в порядке, — невозмутимо ответил Инь Линцзюнь. Подумав, что ему не верят, он взмахнул рукавом в сторону корзинки с едой: — Все, что вы присылали, я съел. Просто я слишком долго здесь нахожусь, впитал всю духовную энергию, и теперь её здесь не хватает.

Ли Хуайфэн удивился:

— Вы собираетесь временно сменить место для практик? Куда на этот раз?

— Древняя пещера горы Яошань.

— Что? — Ли Хуайфэн встревожился. — Но это же то самое место, где пострадал Сяньцю! Там полно неизвестных тварей, это слишком опасно...

Инь Линцзюнь отрезал:

— Именно потому, что они неизвестны, я и должен туда отправиться.

Ли Хуайфэн вздохнул:

— Тогда вся надежда на вас. Только помните: мир людей коварен, не стоит задерживаться там надолго.

— Угу, — кивнул Инь Линцзюнь. Ли Хуайфэн успокоился и собрался уходить, но, сделав десять шагов, внезапно наткнулся на что-то холодное. Он опустил взгляд и увидел серебристый, подернутый водной дымкой хвост, преградивший ему путь.

Ли Хуайфэн: «...»

— Подождите, у меня еще один вопрос, — раздался сзади слегка озадаченный голос Инь Линцзюня. — Что такое... «роман»?

Два дня спустя.

— Брат Шэнь Лан!

После утренних занятий Шэнь Чжи бездумно грыз косточку в столовой, как вдруг кто-то хлопнул его по плечу. Он инстинктивно хотел ударить в ответ, но в последний момент вспомнил, что находится в Сыцзин, и сдержался.

Он обернулся и увидел незнакомца с правильными, симпатичными чертами лица.

— Вы кто? — улыбнулся Шэнь Чжи.

— Меня зовут Сун Е, — тот бесцеремонно сел рядом и, уткнувшись в тарелку, заговорил: — Брат Шэнь Лан, у тебя ведь высший корень духовности, верно? Твои родители наверняка тобой гордятся.

Шэнь Чжи холодно ответил:

— У меня нет родителей.

— А... — Сун Е смутился. Шэнь Чжи не собирался облегчать его участь и продолжал есть. Сун Е пришлось самому болтать о том о сем, но, не дождавшись реакции, он наклонился ближе и прошептал: — Брат Шэнь Лан, ты читаешь романы о любви между мужчинами?

Шэнь Чжи приподнял бровь:

— Читаю.

Глаза Сун Е блеснули:

— Тогда... может быть... ты тоже...

Шэнь Чжи почувствовал, что что-то здесь не так. Он снова посмотрел на Сун Е и увидел, что юноша не только светится от счастья, но и залился румянцем. До него внезапно дошло, и внутри вскипела ярость.

— Нет! — процедил он сквозь зубы.

— Нет? — Сун Е оказался на редкость бестолковым. Он принял гнев Шэнь Чжи за смущение и стал наглеть ещё больше: — Ничего страшного... все в порядке. Брат Шэнь Лан, признайся. Я тоже такой, я не буду тебя высмеивать.

Шэнь Чжи отбросил палочки, встал и прищурился:

— Высмеивать?

Сун Е тоже вскочил (он был на полголовы ниже Шэнь Чжи и смотрел на него снизу вверх). Видя, что Шэнь Чжи встал и заговорил громко, он испугался, потянул его за рукав:

— Эй, давай сядем и поговорим... Я, — он застенчиво крутил в руках край одежды, — я просто подумал, что путь совершенствования так одинок... Может, мы могли бы стать...

Он хотел сказать «спутниками», но не успел: почувствовав холодный порыв ветра, он получил удар кулаком в левую щеку. Боль была невыносимой!

— Спутниками... — прохрипел он.

Ученики в столовой в ужасе бросились разнимать их. Шэнь Чжи, видя, что противник повержен, а его самого держат за руки, напоследок пнул Сун Е, сверкнув глазами, полными холодной ярости:

— Спутниками? Мечтай дальше!

Когда Фу Цин, вызванный младшими братьями, прибежал в столовую, он был в замешательстве. В любом случае, нельзя позволять им продолжать драку... то есть, нельзя позволить «Шэнь Лану» избивать человека в одиночку. Он вмешался, ударив рукоятью меча по

руке Шэнь Чжи.

Шэнь Чжи, застигнутый врасплох, отдернул руку. Даже не глядя на синяк, он холодно бросил взгляд на Фу Цина.

Тот, увидев его мрачное лицо, поспешно сказал:

— Прошу прощения, младший брат, вышло случайно. — Он вздохнул: — Почему нельзя решить всё словами? Зачем сразу кулаки?

— Решить словами? — усмехнулся Шэнь Чжи. — Этот тип посягнул на меня. То, что я не сделал его калекой — уже проявление доброты.

Фу Цин опешил:

— Посягнул? На что?

Лицо Шэнь Чжи потемнело еще сильнее. Кто-то из свидетелей прошептал Фу Цину на ухо:

— Старший брат Фу! Сун Е, кажется, решил, что Шэнь Лан — из наших, и предложил ему стать парой...

— ...

Фу Цин застыл. Впрочем, он уже видел таких совершенствующихся, поэтому сохранил невозмутимость:

— Это недоразумение. Но ты уже его избил, гнев выплеснул. Если дело дойдет до старейшины, наказаны будут оба. Давайте просто забудем об этом.

Шэнь Чжи фыркнул, с усмешкой посмотрел на избитого Сун Е и, поправив одежды, гордо удалился. Фу Цин вздохнул с облегчением: самое сложное позади. Он помог Сун Е подняться:

— Ты как, младший брат?

— Старший брат! — рыдал Сун Е. — Он бил меня! Я пойду к старейшине!

Фу Цин беспомощно вздохнул:

— Оставь это. Будь милосерднее. — В его словах читался иной смысл. По сравнению с мрачным Шэнь Чжи, Фу Цин больше симпатизировал миловидному и вежливому Сун Е, поэтому не хотел, чтобы тот доводил дело до конца. Если старейшина Цинши узнает, что ученик не только «из таких», но ещё и приставал к соученику... сможет ли Сун Е остаться в Шаньичэн — большой вопрос.

Три дня спустя Фу Цина вызвали во дворец Цзинхуа. Название было изящным, но суть — нет: здесь старейшины наказывали провинившихся. Войдя, он увидел Шэнь Чжи, который улыбался, и Сун Е, обливающегося холодным потом. Фу Цин всё понял. Сун Е всё-таки не удержался.

— Фу Цин, — раздался голос старейшины Цинши, подобный гулу колокола. — Знаешь, зачем тебя позвали?

Фу Цин кивнул:

— Из-за драки в столовой три дня назад?

Старейшина нахмурился:

— Если знал, почему не доложил?

Фу Цин осторожно ответил:

— Вы были заняты ранеными старшими братьями, я посчитал это пустяком...

Старейшина немного смягчился:

— Ладно, ты действовал из добрых побуждений. Отвечай честно: Шэнь Лан сказал, что Сун Е... что он приставал к соученику. Это правда?

Фу Цин не посмел лгать:

— Да.

— Бесстыдство! — старейшина ударил ладонью по подлокотнику кресла и уставился на дрожащего Сун Е. — Бесстыдство! Как ты смеешь так себя вести? Мало того, что ты... делаешь то, что делаешь...

Сун Е, и без того трусливый, не посмел возразить и лишь дрожал под градом проклятий. Старейшина отчитывал его четверть часа, а затем перевел взгляд на дремлющего Шэнь Чжи:

— Шэнь Лан! Шэнь Лан!

Шэнь Чжи приоткрыл глаза:

— М-м?

— Даже если он был неправ, ты не должен был распускать руки. Забыл правила секты?! Вы оба виноваты, оба будете наказаны.

Наказаны? Шэнь Чжи подумал: какие еще наказания он не проходил в Шаньичэн? Снова подметать ступени, перебирать книги или таскать воду для монахинь... Скука.

Как раз в этот момент он заметил, что в правой руке старейшины появился длинный и толстый терновый кнут, усеянный острыми, зловеще поблескивающими шипами.

<http://bllate.org/book/18833/1833676>